

УДК 821.161.1

**П.Г. ВИНОГРАДОВ И М.О. ГЕРШЕНЗОН: К ВОПРОСУ
О НЕОБХОДИМОСТИ УНИФИКАЦИИ НАИМЕНОВАНИЙ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ МЕТОДОВ
В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ**

А.В. Хрусталёва

Аннотация

В статье показывается связь литературоведческого метода медленного чтения М.О. Гершензона с методом социального изучения истории П.Г. Виноградова. Объясняется необходимость пересмотреть наименования методов в современном гуманитарном дискурсе.

Ключевые слова: метод в литературоведении, медленное чтение, М.О. Гершензон, П.Г. Виноградов.

В предисловии к работе «Афинская полиция...» М.О. Гершензон пишет: «Всем, что может оказаться верного в этой книге, я обязан двухлетнему участию в семинарии проф. П.Г. Виноградова... Предлагаемая здесь работа не была прямым результатом этого семинария, но здесь я учился тому, чего нельзя найти в книгах, что может дать только... живое слово учителя... – приемам исследования, *научному методу* (курсив здесь и далее наш. – А.Х.)» (А.П., с. II). Представляется важным дать комментарий к приведенной цитате, объясняющий, что слова признательности своему учителю следует рассматривать не только с точки зрения риторики. Глубоко позитивистский метод Виноградова оказал серьезное воздействие на становление взглядов Гершензона. Однако это воздействие не было учтено в полном объеме в рецепции метода медленного чтения литературоведами, что, на наш взгляд, является игнорированием очевидных причинно-следственных связей.

П.Г. Виноградов – университетский преподаватель, правильнее сказать, учитель, в высоком смысле этого слова, М.О. Гершензона, помогавший ему не только словом, но и делом, оказал большое влияние на его духовное и интеллектуальное развитие. Сам факт существования доверительных отношений между ними был отмечен рядом исследователей. Однако нечасто можно встретить в печати констатацию простого следствия этого факта – поскольку пушкиниана Гершензона и его литературно-критические труды в целом органично связаны с предшествующими историографическими штудиями, а то же самое верно и в отношении других литературоведов Серебряного века (можно назвать в качестве примера П.Е. Щеголева), следовательно, если мы хотим видеть современное литературоведение строго научной дисциплиной, необходимо провести

внутреннюю унификацию методов гуманитарного познания – особенно это верно в отношении историографии и литературоведения.

Мы уже говорили о том, что один конкретный метод должен иметь одно конкретное наименование в рамках всего гуманитарного дискурса [1]. В Фундаментальной Электронной Библиотеке имеется такое определение метода Гершензона: «В литературоведческих трудах Гершензона... применен оригинальный метод *имманентной* интерпретации художественных текстов, получивший название “медленного чтения”» [2]. Философы, говоря «имманентный» имеют в виду «внутренне присущий», «не выходящий за сферу чего-либо». Имманентным анализом текста, если принимать во внимание внутреннюю форму самого термина, следует называть такой анализ, который построен исключительно на материале художественного произведения.

Приблизительно так термин и понимается в современном литературоведении. А.В. Белова, например, пишет в контексте школьного анализа поэтического творчества: «имманентный анализ – это анализ, не выходящий за пределы материала данного стихотворения... Авторы методик имманентного чтения большое значение придают анализу композиции поэтического текста, выделению “эстетически действенных элементов” (М.Л. Гаспаров) на различных уровнях текста: метрическом, образном, мотивном, фонетическом, морфолого-грамматическом, лексико-семантическом, синтаксическом» [3]. Со ссылкой на Гершензона автор заявляет, что принцип «медленного чтения» может быть положен в основу имманентного анализа текста: «читатель делает остановку после каждой фразы (строки, строфы) и дает себе отчет, какую она дала ему новую информацию и как перестроила старую информацию» [3].

Все это абсолютно верно, пока речь идет о педагогике. Но *научно-исследовательский* метод изучения литературного произведения, последовательно примененный Гершензоном в его трудах, не сводим к призыву «читайте медленно» и имманентному анализу.

Сам исследователь неоднократно выходил за рамки имманентного метода, и потому решительно непонятно, в силу каких причин современное литературоведение аттестует его подобным образом. Вне зависимости от деклараций создателя медленного чтения созданный им метод включал в себя и элементы историко-литературного комментария.

При внимательном рассмотрении литературно-критических и литературоведческих работ Гершензона можно наблюдать, как в продолжение четверти века в них реализуется исключительная направленность на анализ биографических подробностей. Представляется удачным предложенное В.А. Черкасовым определение метода медленного чтения как биографического: «Ученые, придерживающиеся биографического метода либо родственного ему психолого-биографического подхода к литературным произведениям, исходя в своих исследованиях из презумпции *каузальности*, якобы существующей между художественными произведениями и теми или иными внелитературными рядами (собственно говоря, настоящими объектами их исследования), которые прямо или косвенно связаны с биографической личностью автора этих произведений» [4, с. 70].

Именно эта каузальность является, с нашей точки зрения, основанием отказаться от понятия «имманентный» по отношению к методу Гершензона, который,

в силу непреодоленного позитивизма, не сделал решительного шага в сторону подлинно теоретического анализа, подробным образом изучающего архитектуру текста.

Как мы уже отмечали (см. [1]), вряд ли возможно говорить об имманентном методе Гершензона на основании, например, статьи 1908 года «Северная любовь Пушкина». Подробно изучив маршрут Пушкина во время ссылки, время его отправления из Петербурга и встречи с Раевскими, также приводя документы из семейного архива М.Ф. Орлова, Гершензон опровергает распространенное мнение о том, что Пушкин любил дочь генерала Раевского, предполагая объект любовных чувств поэта в иной женщине – Марье Аркадьевне Голицыной, урожденной Суворовой-Рымникской. Пушкинский текст признается Гершензоном достоверным источником биографических подробностей, деталей реальной жизни. Различие между биографией как объективной реальностью и художественным произведением – плодом фантазии – стирается. В других статьях мы увидим модификацию таких же биографических исследований без каких-либо изменений, с продолжающимся отождествлением автора произведения и повествователя либо лирического героя. Гершензон пытается раскрыть тайники психологии автора художественного произведения с помощью изучения быта, повседневности изучаемой эпохи, документов частного характера – писем и дневников. Как история, так и литература для него – это в первую очередь совокупность биографий наиболее сильных, выдающихся личностей, определивших духовность своей эпохи, задавших основные направления развития человечества на определенном этапе.

«Сущность движения всегда воплощается в немногих личностях, соединяющих в себе острую врожденную предрасположенность к очередной идее времени с недюжинной силой духа» [5, с. 2] – так определяет исследователь свое кредо. Центр исследовательского внимания ученого в работах о Чаадаеве, братьях Киреевских, Огареве, Тургеневе – внутренний мир, повседневная жизнь человека, переплетение умственного и нравственного начал в ней, духовные искания, все, что имеет отношение к становлению личности. Если Гершензона-историка всегда интересует интеллектуальная биография конкретного деятеля, в которой отражены жизнь, распространение, развитие и смерть актуальной для общества идеи, то Гершензона-критика интересует все та же биография, специфически преломленная в художественном тексте. В трактовке художественного текста он ушел сравнительно недалеко от жанра интеллектуального жизнеописания.

«Художник видит вовне не то, что есть, а то, что совершается в нем самом» [6, с. 11], – заявляет исследователь. Иными словами, все герои подлинно художественного произведения являются воплощением личного авторского опыта и замысла. Текст – не диалог и не полилог, а монолог. Именно монологически-исповедальная природа художественного текста становится платформой для медленного чтения как метода, более того, и в 20-е годы XX в., в период активного становления формалистской школы, Гершензон продолжает работать в рамках того же подхода, откровенно устаревшего с точки зрения развивающегося литературоведения.

Сам исследователь недвусмысленно противопоставлял свой метод формалистской доктрине на том основании, что формалисты видят в искусстве технику

использования приёмов, вместо того, чтобы искать в творчестве писателя откровение, проникновение в тайны бытия: «...В молодых преобладают формальные интересы, не идейные или нравственные... если теория литературы, то работает над изучением ассонансов, или рифмы; или ритма прозы у Тургенева, и т. п., и дела нет до поэзии самой. Это мне скучно; все головастики» [7, с. 298].

Рассмотрим теперь биографический метод в контексте наследия его учителя П.Г. Виноградова. В его трудах можно выделить три доминирующих направления – это медиевистика, история правоотношений и методологические исследования. С точки зрения ученого, необходимо так называемое «живое воспроизведение прошедшего», которое, собственно, и состоит в обращении в том числе к художественной литературе для адекватного отображения исторических процессов. История в представлении Виноградова отражает не сцепление случайностей, а закономерности. Наибольшая ценность историка заключается в его способности на основании большого количества фактов сформулировать гипотезу, предлагающую им внятное объяснение. К точным выводам исторические науки приходят при объединении с социологией, изучающей повторяющиеся явления, поскольку только в этом случае появляется возможность реализовать прогностическую функцию науки. Социальная история как внутренняя фиксация жизнедеятельности народа, попытка его аналитического бытописания, с точки зрения Виноградова, должна быть противопоставлена внешней интеллектуальной истории – перечислению дипломатических событий, то есть истории государства. Иными словами, вместо изучения «истории царств» следует заняться «историей демоса». Поскольку Виноградов целенаправленно проводил в жизнь практику сближения истории и социологии, Д.М. Петрушевский замечал о его работах позднего периода: «Занимая в Оксфорде кафедру юриспруденции, Виноградов продолжал оставаться социальным историком, и его самые ценные научные работы и этой поры являлись продолжением его прежних исследований по социальной истории средневековой Англии...» [8, с. 1].

Сама идея развития в интерпретации Виноградова имеет явные биологические коннотации. Указывая, что для любого образованного общества рано или поздно встает вопрос о возможности и необходимости развития, ученый характеризует XIX век как время коренного поворота в изучении движущих сил прогресса. Г. Спенсер, по его мысли, дает блестящий эволюционный метод, благодаря которому становится возможной совершенно новая обработка данных общественных наук на основе сближения их с биологией. Вряд ли можно истолковать Виноградова превратно, когда он говорит: «...развитие обществ в основе своей является органическим».

И далее: «Исходным пунктом всякой жизненной эволюции является организм, обособление вещества в известное целое, выделенное из окружающей среды и одаренное энергией, стремлением к поддержанию своего обособленного существования... Если мы обратимся теперь к исторической жизни, то едва ли будет особенная нужда настаивать на приложимости идеи обособления органических целых к человеческим обществам, – сходство слишком очевидно и слишком часто разъяснялось. Семья, род, племя, государство, церковь могут быть рассматриваемы как обособленные организмы, преследующие свои цели и под-

держивающие свое существование во взаимодействии с окружающей средой» [9, с. 294–295].

Историческая эволюция по Виноградову – частное приложение общей органической периодизации жизни. Все существующие формы – растения, животные, люди и общества – проходят естественный рост, рождаются, развиваются и умирают.

Б.Г. Могильницкий подчеркивает влияние эволюционной доктрины Г. Спенсера на преподавателей Московского университета: «Несомненное влияние оказал позитивизм и на плеяду талантливых исследователей западноевропейского феодализма, начинавших свою деятельность в 70-х годах XIX в. Н.И. Кареев, И.В. Лучицкий, М.М. Ковалевский, П.Г. Виноградов – все они складывались как ученые под сильным воздействием позитивистской философии, оказавшей огромное влияние на их идейно-методологические и исторические взгляды» [10, с. 116].

Продолжая собственную мысль о том, что акцент с изучения дипломатических и государственных событий, «истории царств» следует перенести на каждодневную, обычную жизнь, Виноградов особое внимание уделяет индивидуальным особенностям частного лица и последовательно применяет принцип критического источниковедения. Объясняя студентам роль личности в истории, свойство любого реципиента информации исказить ее, Виноградов обязывает своих студентов проводить атрибуцию текста, определять, является ли лежащий перед ними документ оригиналом, насколько можно доверять автору письменного свидетельства, а также устанавливать, одному лицу или нескольким принадлежит авторство источника.

Следуя заветам учителя, Гершензон обнаружил, что Плутарх всегда отмечает противоречия у тех авторов, книги которых служат основой для его трудов, но в «Афинской политике» Аристотеля он никаких противоречий не заметил. Кроме того, то, что сообщает Плутарх, отличается большей полнотой и исторической точностью, чем данные Аристотеля. Подробно сопоставляя биографии знаменитых греков у двух авторов, особенно страницы, посвященные выдающемуся афинскому архонту-реформатору Солону, Гершензон приходит к выводу о не прямой природе заимствования информации. Он выдвигает гипотезу о том, что Плутарх читал не Аристотеля, а Гермиппа. На этом предположении построена ранняя работа Гершензона (А.П.).

Принцип критического источниковедения пробудил у исследователя греческой истории интерес к верификации фактов в текстах разных стилей, в том числе и стиля художественной литературы. Гершензон с удивлением обнаруживает, что выдающиеся литературные произведения обычно отличаются полнотой передачи биографической информации. Эта полнота настолько характерна, например, для Пушкина, что по его книгам можно восстановить всю его жизнь.

К этому выводу Гершензон приходит уже в 1906 г., когда на основании личных писем изучает быт М.Ф. Орлова и А.Н. Раевского. В статье «Семья декабристов» [11] он указывает, что бывают документы, в которых явно прослеживается тенденциозность информатора, сознательное искажение им действительности. Чуть позже, как уже указывалось, он подчеркнет исключительную «правдивость» Пушкина в отношении фактов.

Совершенно очевидно, что сам концепт «литературная форма» взят Гершензоном именно из научной лаборатории Виноградова. «Для историка литературы важен, например, Петрарка с точки зрения развития *литературных форм*; а для историка вообще – преимущественно как показатель настроения, как симптом общественного движения» [12, с. 24–25].

Фактически ни в значительной по объему пушкиниане, ни в других трудах вплоть до 20-х годов XX в. Гершензон не касается вопросов теории текста, с неизменным постоянством отождествляя автора с повествователем или лирическим героем, строя свои истолкования на основе психологического портрета создателя произведения, особенностей его биографии, таких же идиосинкразий, какие были рассмотрены в случае Плутарха. Причем понятие «жанр» используется крайне редко, вместо него функционирует понятие «литературная форма», предложенное Виноградовым (заметим, слишком общее и абстрактное с точки зрения литературоведения, поскольку вводилось в контексте историографической необходимости).

Учитывая серьезное влияние П.Г. Виноградова на М.О. Гершензона, имеет смысл более последовательно провести в современном литературоведении мысль о детерминистских и позитивистских истоках медленного чтения, безусловно отмечая при этом и более позднюю трансформацию взглядов исследователя. Термин «имманентный» по отношению к методу Гершензона вступает в противоречие с практикой конкретного применения метода, когда исследовались реалии, конечно же, «трансцендентные» тексту.

Из всего сказанного выше следует очевидный вывод: необходимо либо поставить вопрос о том, что Гершензон применял не метод, а методологию (то есть совокупность разных установок), либо отказаться от термина «имманентный» по отношению к его исследовательскому подходу.

Summary

A.V. Khrustaleva. P.G. Vinogradov and M.O. Gershenzon: On the Necessity of Unification of Research Methods Nomination in Humanities.

The article shows the ties between the method of slow reading in literary criticism by M.O. Gershenzon and social history studying by P.G. Vinogradov. It explains the necessity to reconsider the methodology in the modern humanistic disciplines.

Key words: method in literary criticism, slow reading, M.O. Gershenzon, P.G. Vinogradov.

Источники

А.П. – *Гершензон М.О.* Афинская полития Аристотеля и жизнеописание Плутарха. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1895. – 152 с.

Литература

1. *Хрусталёва А.В.* М.О. Гершензон и проблема научно-исследовательского метода // Изв. Саратов. ун-та. Сер. Филология. Журналистика. – 2011. – Т. 11, вып. 3. – С. 97–103.
2. М.О. Гершензон. – URL: <http://feb-web.ru/feb/person/person/gershenzon.htm>, свободный.

3. Белова А.В. О путях анализа элегии К.Н. Батюшкова «Есть наслаждение и в дикости лесов...» на уроках литературы в школе. – URL: <http://www.batushkov.ru/kritika/016.shtml>, свободный.
4. Черкасов В.А. Проблема биографической значимости художественных произведений в советской науке 1920-х – 1930-х годов // Знание. Понимание. Умение. – 2008. – № 4. – С. 66–72.
5. Гершензон М.О. История молодой России. – М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1908. – 332 с.
6. Гершензон М.О. Видение поэта. – М.: 2-я тип. М.Г.С.Н.Х., 1919. – 80 с.
7. Письма М.О. Гершензона Льву Шестову // Минувшее. – Париж, 1988. – № 6. – С. 237–312.
8. Петрушевский Д.М. П.Г. Виноградов как социальный историк. – Л.: Изд-во АН СССР, 1930. – 30 с.
9. Виноградов П.Г. О прогрессе // Вопр. философии и психологии. – М., 1898. – № 42. – С. 254–313.
10. Могильницкий Б.Г. Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х годов XIX в. – начала 1900 годов. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1969. – 408 с.
11. Гершензон М.О. Семья декабристов // Былое. – 1906. – № 10. – С. 288–317.
12. Виноградов П.Г. История средних веков. Лекции ординарного проф. Московского ун-та. – М., 1893. – 439 с.

Поступила в редакцию
05.05.11

Хрусталёва Анна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник Саратовского государственного социально-экономического университета.

E-mail: tevlin1982@mail.ru